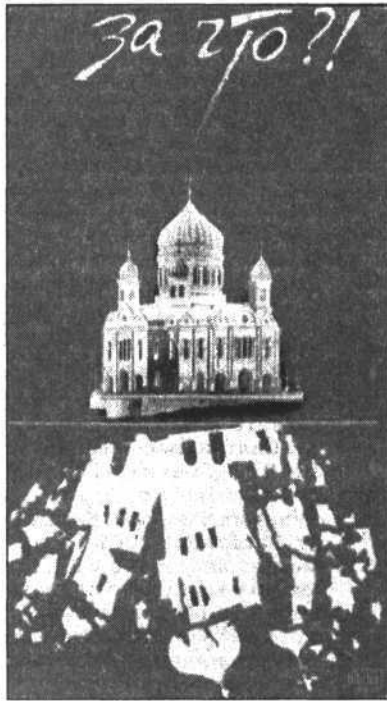

Амнистию не применять!

ет он всех арестантов, записывая один за другим их показания на одном листе (видимо, в целях экономии бумаги):

СВЕНТИЦКИЙ: "...с врачом Киясовым мы обсуждали вопросы о сумасшествии крестьянина из села Титово. Говорили о жизни и медицинской науке..."

СТЕЦЕНКО: "...Бывают у меня соседи, и мы ведем разговоры о житейской жизни..."

КОРОБ: "Священник Свентицкий бывает у меня дома только затем, чтобы указать, как заниматься пчеловодством... разговариваем о хозяйстве. Коммунистов никогда не ругали..."

ХОХЛОВ: "...я ничего не боюсь. Были колчаковцы, а теперь коммунисты - мне нечего бояться. Со Свентицким говорили, что при монархии жить было лучше, а больше показать ничего не могу..."

Чуть пахнуло контрреволюцией из последнего протокола, и Никифоров с еще большим усердием взялся за следующего арестованного.

АРТЕМЬЕВ: "...у священника собирались, у агронома, разговаривали острое... Говорю чистосердечно: говорили, что коммунисты поступают несправедливо, что это отъявленные мошенники и их нужно вешать на первой попавшейся осине..."

Ну вот, нащупал-таки милиционер Никифоров вражи нотки в показаниях одного из арестованных, а потому "особого

распоряжения" об освобождении томских селян в щегловской тюрьме не поступило, а следствие по делу тем временем продолжалось - неспешно, неконкретно, незаконно... Впрочем, само понятие "закон" в ту пору еще не оформилось в том понимании, что мы имеем сейчас. Все царские законы были преданы анафеме и забыты, новый уголовный кодекс еще не принят (он появится лишь в 1922 году), но власть должна вершить суд, карать врагов революции, и она вершила его, "руководствуясь революционным самосознанием". Проследим, что из этого выходило...

Прошло несколько дней после того, как задержанных абышевцев отправили в Щегловск, и, убедившись, что там их по прибытии не освободили, члены комячейки села Абышево вслед за первым своим "протоколом-показанием" шлют второй, только теперь подписантов уже 25 человек, из которых восемь были абсолютно неграмотны и не смогли даже за себя расписаться. Никаких новых фактов контрреволюционной деятельности задержанных не указано: "...где-то собирались... о чем-то говорили... у кого-то есть оружие..." И хотя при обыске ни у кого из арестованных не было изъято никакого оружия, даже старого ружья, тем не менее сельские коммунисты упорно возвращаются к этому пункту обвинения. Любой следователь в данном случае сразу принялся бы выяснять все обстоятельства, касающиеся оружия, но Никифоров упорно обходит эту тему в допросах Артемьева, Лебедева, Короба, зато при допросе Хохлова и Стеценко вопрос об оружии поднимался. И все потому, что они сами заговорили об этом, заявив, что у них действительно было оружие (у Хохлова - револьвер, у Стеценко - винтовка), но еще весной, т.е. задолго до описываемых событий, они добровольно сдали оружие в ревком, на что у каждого была соответствующая расписка. Да и что в том странного, что в местности, где еще год назад полыхала самая настоящая война, у кого-то вдруг оказалась какое-то оружие. Кто-то схоронил "на черный день", а кто-то просто нашел в лесу, как это было у Стеценко. Нигде никогда не фигурировало это оружие раньше и было сдано задолго до появления того злополучного письма абышевских коммунистов. И

хотя ни один эпизод контрреволюционной деятельности арестантов доказан не был, тем не менее 22 августа 1920 года уполномоченный Томской губчека Фрицлей выносит безапелляционное заключение:

"...по делу граждан дер. Абышево Лебедева, Свентицкого, Хохлова, Стеценко, Сергиенко, Артемьева, Короба. Согласно протокола комячейки вышепоименованных граждан **СЧИТАТЬ ВИНОВНЫМИ**, как члены контрреволюционной организации..."

Вот такое решение по делу подсказало Фрицлею его "революционное самосознание". Не в чем обвинить крестьян, нет улики, но согласно беспредметному оговору коммунистов ячейки, "читать виновными".

Другая должна быть формулировка: "Вина таких-то доказана имеющимися в деле фактами, уликами". Нет ни фактов, ни улик, ни самой вины, а посчитал этих крестьян, бедных головушек, уполномоченный ЧК виноватыми, и продолжились их тюремные мытарства. И не помогли им "заступы" и "поруки", что поступали в Томгубчека от крестьян села Абышево и поселка Вознесенский.

Из письма крестьян дер. Абышево коменданту лагеря принудительных работ:

"... до настоящего времени граждане дер. Абашево Лебедев, Стеценко постоянно занимались только хлебопашеством и никогда ни в чем предосудительном замешаны не были, под судом не состояли, в политическом движении не участвовали. Просим до суда освободить на поруки односельчан и под надзор комячейки пос. Вознесенское... Присутствие их необходимо для окончания ими работ по уборке хлеба и установленной государственной производительности... 12.09.20"

Судебно-следственная процедура того времени предусматривала, чтобы материалы расследования, поступившие из городов и сел, рассматривал и давал свое заключение о виновности арестованных уполномоченный по общим делам Томской губчека, а также требовалось согласие заведующего секретно-оперативным отделом на привлечение их к уголовной ответственности, после чего дело передавалось на рассмотрение комиссии губчека. Рассмотрение дел в основном проводилось заочно, и арестованные даже не могли видеть своих судей. Институт прокуратуры тогда еще совсем не существовал, а участие адвокатов (в царское время они назывались стряпчие) в про-

цессе не предусматривалось. Как ни сурова была рабоче-крестьянская Фемида в начале 20-х, а все же ВМН (расстрел) тогда еще избиралась нечасто, санкции ограничивались 1-3 годами "принудработ".

Лишь одному из крестьян, проходивших по данному делу, 70-летнему Ивану Хохлову, комиссия отменила наказание и дело прекратила со следующей формулировкой:

"Предъявленное обвинение считать доказанным, но, принимая во внимание его (Хохлова) старость, обвиняемого освободить от наказания и дело прекратить".

В отношении других была избрана мера наказания от 6 месяцев до 1 года заключения в доме принудительных работ. И лишь в отношении священника Григория Свентицкого срок наказания составил 5 лет. И не было у него ни револьвера, как у Хохлова, ни винтовки, как у Стеценко, не призывал он вешать коммунистов на осине, как это заявил на допросе Артемьев, и вину-то он своему ни в чем не признал, а поди ж ты - самое суровое наказание комиссия губчека вынесла именно Свентицкому. Священнику Свентицкому, ибо в этом весь секрет такого решения, уже тогда, в начале 20-х годов, к служителям церкви советская власть предъявляла особый, суровый счет. И если всех фигурантов данного дела уже в ноябре освободили из тюрьмы в связи с очередной, октябрьской амнистией, то Свентицкому амнистия не помогла ни в 1920 году, ни в следующем 1921-м. И хотя к тому времени в губчека ушло еще одно коллективное письмо от крестьян Абышево в защиту своего священника, смягчения наказания не последовало.

Выписка из протокола 81 заседания комиссии губчека от 2.12.21:

"СЛУШАЛИ:
Свентицкий Григорий Семенович, священник, 33 года, обвиняется в принадлежности к к/р организации.

ПОСТАНОВИЛИ:
Свентицкому Г. С. амнистию не применять".

Если заступничество "темных" и неграмотных крестьян за своего духовного пастыря еще можно как-то объяснить, то как понимать рапорт в защиту крестьян села Абышево нового начальника милиции Семерикова, сменившего на этом посту Никифорова?

Из рапорта начальника милиции 2-го района Семерикова в Щегловское политбюро Томской губчека:

"...некоторые из них попали под арест совершенно невинно, как то Никанор Иванович Лебедев. И как Никифоров, не знакомый с политикой или иначе выразиться, с дурной своей головой заставлял насильно распицаться в протоколах, не объясняя в чем дело, поэтому прошу разобраться. Еще сообщаю, что т. Никифоров наделал тут делов, о чем трудно разбираться. Он ездил и врал крестьянам что попал, производил обыски, арестовывал совершенно не по существу..."

Но даже такое разоблачительное письмо в адрес своего предшественника, написанное Семериковым, не помогло отцу Григорию, и он оставался в неволе.

Человек грамотный, законопослушный, батюшка смиренно отбывал отпущенное ему вопреки закону и совести наказание, выполняя работу счетовода. Прилежание и ответственность священника не остались незамеченными властями, и они не гнушались использовать его безвозмездный труд.

Из письма Томской губернской реквизиционно-конфискационной комиссии от 11.03.1921 в губчека:

"...Нуждаясь в счетоводе, комиссия обратилась в биржу труда, но за неимением свободных и грамотных лиц, просьба комиссии осталась неудовлетворенной. После чего комиссия обратилась в лагерь принудработ, прося командировать для указанной цели известного комиссии заключенного Свентицкого Григория. Со стороны администрации препятствий к удовлетворению просьбы комиссии не встречается, но требуется согласие и разрешение ЧК. А потому комиссия просит: не откажите сделать распоряжение и командировать Свентицкого для занятия в комиссии. Свентицкий будет занят ежедневно только до 3 часов дня, после указанного времени будет возвращаться в лагерь..."

Так в далеком 1921 году органы с пользой для себя начинали эксплуатировать труд заключенных. А впереди еще будут Комсомольск-на-Амуре, Турксиб, БАМ, Беломорканал...

Находясь в заключении, Свентицкий тем временем не смирился с незаконным наказанием и написал прошение на имя председателя ВЦИК тов. Калинина М.И. от 1.05.1922 г.

Из заявления священника Свентицкого Г. С. во ВЦИК СССР:

"...постановлением Томской губчека от 26.08.1920 г. я был осужден, якобы, за принадлежность к белогвардейской орга-

низации сроком на 5 лет. На самом деле ни к какой организации я не принадлежал, потому как ее просто не было, иначе почему по этому делу отбываю наказание я один? Где же остальные члены той организации? ... В Тарминской волости Щегловского уезда Томской губернии, в дер. Абышево, где я временно проживал, занимая должность учителя при школе, одновременно состоя в должности председателя и казначея культпросветобщества при районном Доме. В свободное время, по просьбе жителей села, исполнял обязанности священника... суд был заочным, и в губчека меня никто даже не допросил. Видимо, члены коллегии Томгубчека были введены в заблуждение, что послужило поводом для принятия ко мне неправедного решения... Покорнейше прошу Вас, тов. председатель, сделать соответствующее распоряжение в Томгубчека о пересмотре моего дела и применить ко мне амнистию..."

Не осталось без внимания "всероссийского старосты" заявление репрессированного священника, и после пересмотра дела 15 сентября 1922 года он был освобожден из лагеря и отбыл в Екатеринбургскую губернию, где проживали его родственники. Казалось бы, хоть и с опозданием, но справедливость восторжествовала...

...И тут же в деле, после справки об освобождении Свентицкого из лагеря принудительного заключения, есть еще документы. 9 марта 1923 года из Екатеринбургского губернского суда в Томский губотдел ГПУ с грифом "сов. секретно" прибыл следующий запрос:

"С получением сего прошу в срочном порядке выслать справку о судимости с копией приговора бывшей Томской губчека по обвинению священника Свентицкого Григория Семеновича в белогвардейской организации дер. Абышево в 1919-20 годах, и осужденном губчека в июле 1920 года на 5 лет принудработ с изоляцией, отбывавшего наказания до 15 сентября 1922 г., прибывшего в пределы Екатеринбургской губернии, где в настоящее время на него имеется материал по обвинению его в контрреволюционных выступлениях в 1918-1919 годах. Ст. следователь Екатеринбургского гусуда".

И подпись, как всегда, неразборчивая. Нет, не избавило священника Свентицкого Г. С. вмешательство в его судьбу председателя ВЦИК СССР тов. Калинина М.И. от дальнейших преследований со стороны всемогущей ОГПУ. Слишком хорошей была память у этой одинаково разносторонней организации: ВЧК-ОГПУ-НКВД, очень неохотно расставалась она со своими жертвами, а потому хождения по мукам отца Григория Свентицкого в 1922 году не закончились, и восшествие его на свою Голгофу продолжалось...

Сергей ПАВЛОВ,
старший прокурор
отдела облпрокуратуры,
член Союза
журналистов РФ.

Недобрая бумага пришла начальнику милиции 2-го района Щегловского уезда Никифорову от коммунистов ячейки утром 16 июля 1920 года. Видимо, долго они размышляли над тем, как бы покрепче зацепить всех тех односельчан, кто не люб им по политическим мотивам. Сначала назвали они свой документ "Протокол", а когда протокол был завершен, скорее всего для солидности добавили в заголовке - "Показания". И вот что оказалось в этом "протоколе-показании" (орфография сохранена):

"...Под руководством врача Киясова из участковой Усть-Сосновской больницы имеется организация, и те лица, сплоченная с ним живут в деревне Абышевой:

- 1) священник Свентицкий Григорий,
- 2) Григорий Короб,
- 3) Семен Артемьев,
- 4) Никанор Лебедев,
- 5) Стеценко Елисей,
- 6) Сергиенко Ефим,
- 7) Хохлов Иван...

(они) ведут против советской власти полную агитацию и собираются либо в один дом, а затем во второй незаметно. И при них имеется оружие, как-то, у Артемьева Семена - револьвер и масса патронов. У Лебедева Никанора то же револьвер... У Короба Григория тоже револьвер... Все выше-названные ведут связи с деревнями Какуй и Сосново. Иногда собираются эти лица, но что они там решают нам неизвестно. Некоторые из них выражаются открыто, что придет время и мы переберем всех из советских работников. Ввиду всего выше-названного просим принять самые строгие меры к уничтожению такой своры. Передаем таковых арестованных начальнику 2 района тов. Никифорову для разбирательства. В чем распишемся члены комячейки..." - и шесть подписей.

Так шесть малограмотных членов комячейки предопределили судьбу своих односельчан на ближайшие месяцы, а кому и на годы. В те беспокойные и далекие от нас времена, когда только-только потеснили на восток полчища Колчака, такая предосторожность, казалось, была нелишней, и все же за каждым таким письмом должны быть факты, достоверные, проверенные, избобличающие настоящего врага советской власти. Но в данном случае бдительным членом ячейки было прощяе арестовать своих односельчан, а уж те, кому, положено, разберутся...

Препроводив задержанных крестьян в дом лишения свободы г. Щегловска "до особого распоряжения", "начмил" Никифоров приступает к дознанию. 17 июля 1920 года допрашивает